

Раздел 1

Археология

А. А. Колюхов

Этапы развития декоративно-прикладного искусства эстиев (I—VI века нашей эры) в изделиях из металлов (по материалам археологических исследований)

С опорой на материалы археологических исследований, проводившихся в ареале эстиев на протяжении более века (с перерывами на две мировые войны), анализируется эволюция бытовавших в периоды римского влияния и Великого переселения народов украшений из металлов, их формы, конструкции и декора. На основе сопоставления материалов немецких исследователей с результатами российской археологии, а также с параллельными исследованиями польских ученых предпринята попытка выявить происхождение этих украшений.

Результаты археологических исследований, проводившихся с XIX в.¹ на Самбийском полуострове и прилегающей территории нынешней Калининградской области, дают богатую картину образцов декоративно-прикладного искусства в изделиях из металлов, имевших здесь хождение начиная со времен Античности. Прерывается эта картина периодом так называемых темных веков (конец VI — начало VIII в.), характеризующимся в прибалтийской археологии малоинвентарными захоронениями.

Благодаря римскому историку конца I в. Публию Корнелию Тациту обитатели Самбийского полуострова в период с конца I по

¹ Здесь и далее при указании века без уточнений подразумевается наша эра; века до нашей эры отмечены особо.

конец VI в. получили имя эстии [2, с. 372]¹. Описание тацитовых *Aestiorum gentes*, заселявших богатое янтарем побережье, позволяет идентифицировать их с населением так называемой культуры Доллькайм / Коврово, охватывавшей Самбийский полуостров вместе с Натангией и территорией севернее Преголи [18, s. 44]. Наряду с этим названием, принятым в европейской историографии, в российской археологии для памятников римского времени чаще используется термин «самбийско-натангийская культура», распространяемый в последнее время и на древности эпохи Великого переселения народов и начала Средневековья [4, с. 9].

Изучение генезиса декоративно-прикладного искусства эстиев в изделиях из металлов требует условного разделения почти пятисотлетнего периода его эволюции на этапы. Хронологические рамки исследования включают периоды римского влияния и Великого переселения народов на территории юго-восточной Прибалтики — II—VI вв. Сложившаяся к настоящему времени периодизация культуры базируется на хронологии, разработанной К. Годловским [14, s. 48] и скорректированной В. Новаковским [17, s. 67].

Широко известно, что в ареале эстиев отсутствуют месторождения цветных металлов, и даже ископаемое (природное) железо обнаруживается исключительно в виде болотной руды. Таким образом, источники сырья как для местного литейного производства, так и для изготовления любых украшений (браслетов, фибул, поясных пряжек, шейных гривен, а также элементов убранства конской упряжи и др.) должны были находиться за пределами ареала. Сюда сырье поступало путем товарообмена [19, s. 318]. Возникает закономерный вопрос — производились ли украшения из металла полностью здесь или имело место также хождение импортов из других территорий.

Большинство украшений того периода до наших дней дошло в качестве инвентаря погребений. Причем могильники, как ранее в немецкой археологии, так и в российской, остаются основными объектами археологических исследований: во-первых,

¹ Лишь в середине IX в. в сочинении анонимного баварского географа впервые появляется этноним «прусы» (в форме «Bruzī» — «брусы»), который и приходит на смену этнониму «эстии» в средневековой историографии.

в силу того, что содержат предметы, выступающие в роли так называемых хроноиндикаторов, а во-вторых, как объекты, на протяжении столетий подвергавшиеся систематическому разрушению в результате сельскохозяйственной и другой антропогенной деятельности.

Погребения самбийско-натангийской культуры включают повсеместно распространенные в этот период погребения по типу как кремации, так и ингумации. Возрождение обычая ингумации, забытого за много сотен лет до этого — в III периоде эпохи бронзы (XI в. до н. э.), является особенностью самбийско-натангийской культуры. Возвращение этого погребального обряда на балтийское побережье может быть приписано, в частности, влиянию среднелатенской «кельтской» группы из Силезии на территории нынешней Польши, находившейся на янтарном пути [19, s. 368]. Путь этот пролегал с Самбийского полуострова через переправы на Преголе, по берегу Вислинского залива до устья Вислы, вверх по ее течению до поворота на юго-восток перед нынешним Торунем, далее на юго-запад через Силезию к так называемым Моравским Воротам (горному проходу между Судетами и Карпатами) в долину реки Морава (левого притока Дуная), достигая, таким образом, границ Римской империи.

На могильниках самбийско-натангийской культуры зафиксирован обычай захоронения в могилах вместе с покойниками их коней. Этот обычай в последующем распространяется на соседние культуры, но раньше других, на рубеже I и II вв., он появляется на рассматриваемой территории [19, s. 372]. Коней, как правило, хоронили с упряжью, часто с уздой, украшенной орнаментированными накладками. В «статусных» («вождеских») захоронениях встречаются серебряные и даже золотые элементы конской упряжи [21, p. 358]. Поскольку до сих пор не найдено никаких подтверждений существования в самбийско-натангийской культуре мастерских по золочению украшений, данные артефакты следует отнести к импортам из других территорий.

Металлические украшения в уборе эстиев представлены чисто бронзовыми¹, железными или серебряными, а также изготов-

¹ Термин «бронза» здесь и далее в статье означает сплав на основе меди, в котором легирующими элементами являются олово, цинк, свинец, никель, железо, серебро, кремний, фосфор и др.

ленными с применением техники горячего золочения фибулами, булавками, браслетами; перстнями из бронзы и серебра; бронзовыми бусинами и ажурными поясными пряжками; бронзовыми или серебряными женскими шейными гривнами и т. д.

В фазе В2/С1 (конец I — середина III в.) возникает обычай помещать в погребение римские монеты. С середины II в. эта черта становится характерной для погребального инвентаря всего ареала. Среди монет доминируют сестерции, отчеканенные из аурихалка¹ непосредственно в Риме в период правления династии Антонинов (II в.). Встречаются также монеты эмиссий, начиная со времен Республики вплоть до 217 г. (свержения Каракаллы) [19, s. 375] и даже позднее, в том числе серебряные динарии и, хотя и крайне редко, золотые ауресы [20, p. 190].

Особую роль среди многочисленных украшений, обнаруживаемых в могильниках самбийско-натангийской культуры, как, впрочем, и в захоронениях других культур, играют фибулы. Для II в. в ареале эстиев наиболее характерны «глазчатые фибулы» «прусской» серии по общепринятой классификации европейских фибул Оскара Альмгрена (группа III) [10, S. 21]. Если ранние разновидности фибул этой серии (с А45 по А55), изготовленные в римских провинциях и появляющиеся в ареале эстиев на рубеже эр, были украшены непосредственно под пружиной в верхней части дуги двумя перстневидными отверстиями, которые в середине I в. приобретают форму концентрических кругов, то на более поздних разновидностях (с А57 по А61) «глазки» переносятся с верхней части дуги на ножку фибулы (причем отчеканивалось, как правило, до трех пар «глазков», одна пара под другой), превращаясь в примитивный декор. Учитывая, что по сравнению с более миниатюрными и легкими фибулами первой разновидности средний вес фибул второй разновидности сопоставим со средним весом римского сестерция в 1 унцию (около 28 г), можно предположить импортное (провинциально-римское) происхождение первых, в отличие от вторых, являвшихся местными их дери-

¹ Аурихалк — римское название латуни, из которой чеканились сестерции и дюпондии. Сплав состоит приблизительно на 80% из меди и на 20% из цинка, иногда с присутствием олова, никеля, свинца, марганца, железа и других элементов. Эти примеси делают аурихалк, в отличие от бронзы (точнее, оловянистой бронзы — сплава меди с оловом), очень похожим с виду на золото, о чем говорит и данное этому сплаву имя.

ватами, изготовленными из переплавленных римских монет. Такая привязанность к римской монетной стопе характерна для европейского *Barbaricum* римского времени. Детальный анализ состава сплава в некоторых «доисторических восточно-пруссских изделиях из бронзы», опубликованный Адальбертом Бецценбергером в 1904 г., наглядно показывает, как цинк, впервые появившись в составе материала местных украшений в «латэнский» (предримский) период [11, S. 71], начиная с фибул «пруссской» серии, в процентном отношении превалирует над оловом.

Наиболее репрезентативными украшениями, встречающимися в женских погребениях самбийско-натангийской культуры в фазе B2b/C1a (начало II — начало III в.) наряду с фибулами, являются прямоугольные ажурные бронзовые пряжки так называемых «самбийских поясов», украшенные прорезным орнаментом в стиле *opus interrasilie*. Мотивы, которые встречаются на них, бывают весьма разнообразны, а именно: решетки, ромбы, полукруги, меандр и др. Пряжки обычно крепились к ремню заклепками с полукруглыми головками. Профилированный шип, отлитый вместе с пряжкой, был неподвижным, а круглая рамка двигалась.

Хранящаяся в фондах Калининградского областного историко-художественного музея пряжка из погребения «А» грунтового могильника Lobitten (ныне пос. Луговское Зеленоградского района), являвшаяся экспонатом кёнигсбергского музея «Пруссия» под инвентарным номером Ш.53.740-5, по мнению В.И. Кулакова, сделана в *литейной форме* и является продукцией провинциально-римской мастерской фазы B2 (80—160 гг.) [3, с. 275]. По мнению М.Б. Щукина, западнобалтские мастера делали такие поделки при помощи штамповки или чекана [8, с. 201].

В начале фазы C1 (вторая половина II в.) в ареале появляются гребенчатые фибулы с цилиндрическим футляром на пружине, которые, вероятно, попадают в самбийско-натангийскую культуру с Мазур [19, s. 403]. Гребенчатые фибулы составляют крупнейшую и разнообразнейшую группу фибул. Известны варианты с одним, двумя, тремя и даже пятью гребнями (перекладинами). Эти фибулы носили главным образом мужчины [15, s. 75]. Характерной чертой данной разновидности является разнообразный декор на гребнях. Встречается декор в виде продольных углубленных желобков различной ширины, в которые вбиты железные (реже серебряные) проволочки с насечками. Гребенчатые

фибулы имеют, как правило, S-образный профиль. Приемник фибулы подтреугольной формы. Ножка трехребенчатой фибулы оканчивается небольшим шариком, объемно отделенным от иглоприемника. Двух- и одноребенчатые фибулы имеют площадку на торце расширяющейся ножки, переходящую в стойку иглоприемника. По классификации Оскара Альмгрена, трехребенчатые фибулы (с A94 по A98) входят в состав серии 1 группы V, которую в немецкой литературе часто называют «трехперекладчатые фибулы» (*die Dreisprossenfibeln*). Большинство обнаруженных в ареале эстиев фибул этого вида изготовлены из бронзы, крайне редко из серебра или железа, иногда их перекладки украшены снаружи плакировкой из золотой или серебряной фольги [7, с. 176].

В конце III в. на западнобалтских территориях появляются фибулы, декорированные кольцами аналогично бытовавшим в вельбарской и пшеворской культурах. В немецкой литературе они получили название «фибулы с кольцевой гарнитурой» (*Fibeln mit Ringgarnitur*). Бронзовые с серебром фибулы A167 группы VI и параллельные им серебряные A211 группы VII (в классификации Альмгрена) являются «классическими» балтскими версиями с семью сдвоенными или строенными в группу кольцами и датируются одним периодом [16, р. 147]. География обнаружения фибул с кольцевой гарнитурой (вдоль янтарного пути), их богатый декор и дорогой материал (серебро) позволяют говорить, во-первых, о принадлежности данных фибул представителям местных элит и, во-вторых, о тесных взаимных контактах данных элит самбийско-натангийской культуры в позднеримский период (с середины III в. по вторую половину IV в.).

В конце IV — начале V в. (ранняя фаза эпохи переселения народов) на ножках арбалетных фибул, обнаруженных на западнобалтских территориях, появляется так называемый восточно-пруссский звездчатый орнамент (*Ostpreussische Sternornamentik*) [9, S. 29], представляющий собой штампованный узор главным образом звездного мотива. Фибулы с лопатковидной / звездчатой ножкой считаются одними из наиболее типичных для западнобалтского женского убора эпохи Великого переселения народов и начала Средневековья [13, р. 59]. Нас интересуют прежде всего фибулы типа Abb. 17 по типологии Аберга, доминирующие в самбийско-натангийской культуре [1, с. 103]. Кроме фибул описанная орнамента встречается на поясных пряжках и обоймицах кожаных

поясов. Импульс к развитию данного стиля исследователи находят в «горизонте Сёсдала», получившем в этот период развитие в Скандинавии [12, р. 225]. Анна Битнер-Врублевска, «следуя внушению Н. Аберга», предложила ввести термин «горизонт штампованно-декорированных артефактов» и назвать его «горизонтом Замланд» по месту его концентрации — на Самбийском полуострове [13, р. 107].

Во второй половине V в. на западнобалтских территориях появляются фибулы с трехлопастной крестовиной (*Fibeln mit dreilappiger Kopfplatte*) и узкой звероголовой ножкой (*schmalen Tierkopffuss*), которая иногда бывает ромбической [9, S. 93]. Именно такая серебряная с позолотой фибула (Abb. 123 в типологии Аберга) была впервые обнаружена в погребении 246 мазурского могильника Косэво (Kosewo / Alt-Kossewen) в начале XX в. В 2012 г. совершенно идентичная фибула найдена при раскопках могильника Шоссейное (в исторической Натангии) в погребении всадника. По разнообразию, качеству и художественному уровню сопровождающих вещей это погребение сопоставимо с «вождескими» погребениями позднего этапа эпохи Великого переселения народов [5, с. 107]. Достаточно лишь упомянуть предметы конного снаряжения, содержащие изображения в первом германском зверином стиле:

– элементы оголовья, состоящие из двух налобных бронзовых золоченых подвесок-лунниц со стилизованными изображениями голов хищных птиц и четырех бронзовых золоченых четвериков с антропоморфными изображениями;

– разнообразные седельные накладки с декором в виде борющихся животных и людей, изготовленные методом тиснения серебряных пластин [6, с. 155].

Впервые мы видим в декоре местных украшений изображения зверей и даже элементов человеческих фигур (причем высокохудожественные для своего времени). Но, увы, как показывают исследования, эти украшения не являются результатом творчества местных мастеров, а представляют собой импортные западноевропейские и скандинавские образцы. Все художественные традиции к этому времени поступают к эстиям извне — с запада или с севера. Собственной пластики с изображением зверей или людей еще не было выработано. Она начнет формироваться только спустя два столетия у потомков эстиев — пруссов.

Пятисотлетний период существования у эстиев декоративно-прикладного искусства в изделиях из металлов можно условно разделить на пять этапов. Первые три этапа, относящиеся к периоду римского влияния, тесно увязываются с функционированием так называемого янтарного пути, а последующие два, соответствующие эпохе Великого переселения народов, появляются в результате скандинавского импульса.

Список литературы

1. *Казанский М.М., Мастыкова А.В.* О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона. М., 2013. С. 97—112.
2. *Корнелий Тацит.* О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Соч. : в 2 т. М., 1993. Т. 1.
3. *Кулаков В.И.* Римские импорты, найденные в земле эстиев и хранящиеся в фондах музеев России // Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки, М., б.г. Вып. 1. С. 275—281.
4. *Скворцов К.Н.* Могильник Митино V—XIV вв. (Калининградская область). Материалы исследований 2008 г. Материалы охранных археологических исследований. Т. 15, ч. 1. М., 2010.
5. *Скворцов К.Н.* Новые находки памятников римского времени на побережье Вислинского залива // От Римского Лимеса до Великой Китайской стены. Кишинев, 2012. Вып. 232. С. 107—127.
6. *Скворцов К.Н., Хохлов А.Н.* Погребение всадника конца V — первой половины VI в. из могильника Шоссейное Калининградской области (предварительное сообщение) // Краткие сообщения института археологии. М., 2014. Вып. 232. С. 151—159.
7. *Шаров О.В.* О находке фибулы в Старой Ладогe // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб., 2006. С. 176—212.
8. *Щукин М.Б.* Янтарный путь и вены // Проблемы археологии. Вып. 4 : История и культура древних и средневековых обществ : сб. науч. ст., посвященных 100-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова. СПб., 1998. С. 198—208.
9. *Aberg N.* Ostpreussen in der Voelkerwanderungszeit. Uppsala, 1919.
10. *Almgren O.* Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig, 1923.
11. *Bezzemberger A.* Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg, 1904.

12. *Bitner-Wróblewska A.* Between Scania and Samland. From Studies of Stylistic Links in the Baltic Basin during the Early Migration Period // *For-nvätten*. Vol. 86. Stockholm, 1991. P. 225—241.

13. *Bitner-Wróblewska A.* From Samland to Rogaland. East-West Connections in the Baltic Basin during the Early Migration Period. Warszawa, 2001.

14. *Godłowski K.* The chronology of the late roman and early migration periods in central Europe // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego*. Kraków, 1970.

15. *Griciuvienė E.* Od epoki brązu do średniowiecza // *Starożytności Litwy* : katalog wystawy Muzeum Narodowego Litwy z Wilna 4.03–30.06.1994. Warszawa, 1994. S. 75—116.

16. *Khomiakova O.A.* Sambian-Natangian culture Ring Decoration style as an example of communication between local elites in the Baltic regions in the Late Roman Period // *Archeologia Baltica*. Klaipeda, 2012. T. 18. P. 147—166.

17. *Nowakowski W.* Rzymskie importy przemysłowe na terytorium Zachodniobałtyjskiego kręgu kulturowego // *Archeologia. Rocznik instytutu historii kultury materialnej Polskiej Akademii Nauk*. Wrocław : Warszawa ; Kraków ; Gdansk ; Łódź, 1985. S. 63—104.

18. *Nowakowski W.* Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskim // *Pruthenia*. T. 4. Olsztyn, 2009. S. 43—85.

19. *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. // *Monografie dziejów społecznych i politycznych Warmii i Mazur*. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdansk, 1973.

20. *Skvortsov K.N.* The formation of a sambian-natangian culture patrimonial elite in the roman period in the context of the amber trade // *Archeologia Baltica*. Klaipeda, 2012. T. 18. P. 167—192.

21. *Skvortsov K.N.* “The amber coast masters”. Some observations on rich burials in the sambian-natangian culture ca. AD 500 // *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. Kristiansand ; Simferopol, 2013. P. 352—364.

Об авторе

Александр Алексеевич Конохов — магистрант кафедры истории Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), koniuchof@list.ru